

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА АЛАДДИНА СКАЗКИ

#эксмогетмзо

Народное творчество (Фольклор)
Волшебная лампа
Аладдина (сборник)
Серия «Книги – мои друзья»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27345190

Волшебная лампа Аладдина : сказки: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-088762-0

Аннотация

Вашему вниманию предлагается сборник восточных сказок про Аладдина, Кади и султана. Для среднего школьного возраста.

Содержание

Маленький Кади

6

Конец ознакомительного фрагмента.

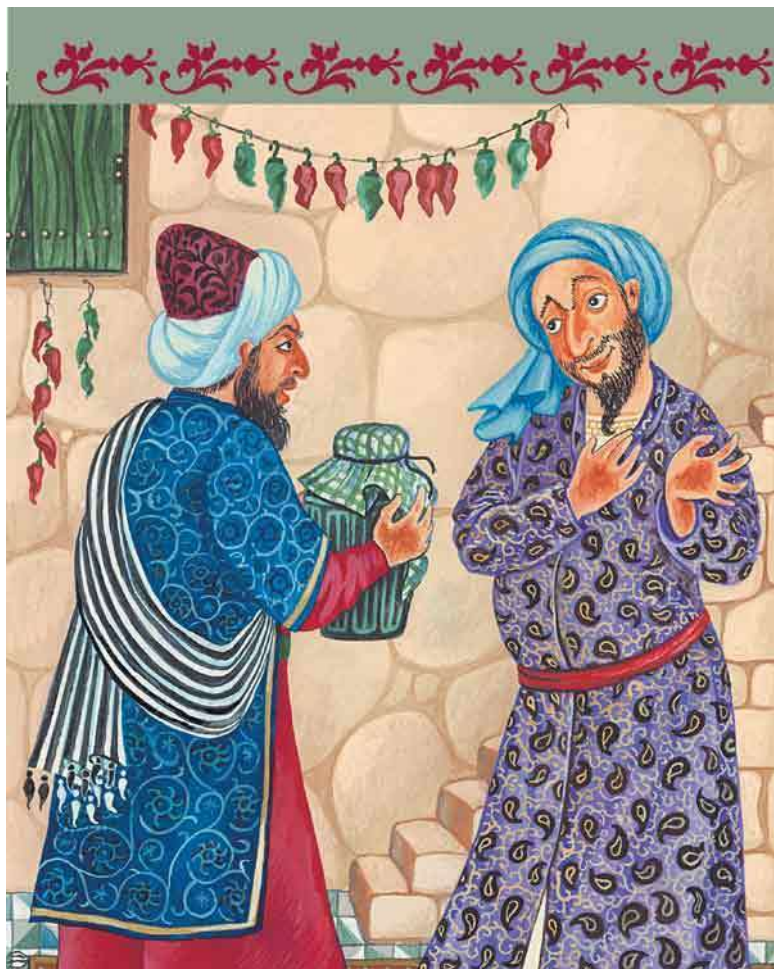
21

Волшебная лампа Аладдина

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Маленький Кади

В царствование Гарун аль-Рашида жил в Багдаде богатый купец по имени Али-Коджа. Однажды он надумал отправиться в Мекку и поклониться гробу пророка. Недолго думая, он распродал всё своё добро и на часть вырученных денег накупил разных товаров, которые намеревался продать по дороге. Но когда он купил всё, что ему было нужно, то у него осталась ещё лишняя тысяча цехинов. Не желая брать их с собой, он положил их в глиняный кувшин, потом взял оливок, наполнил ими сосуд до краёв и, прикрыв всё это платком, пошёл к своему лучшему другу и сказал:

– Слушай, Мустафа, я отправляюсь в Мекку и не знаю, куда деть этот кувшин с оливками. Не позволишь ли оставить его у тебя до моего возвращения?

– С удовольствием, друг мой! – отвечал Мустафа. – Поставь кувшин в чуланчик под лестницей, там он будет в полной сохранности.

Али-Коджа поставил кувшин на указанное место, потом простился со своим другом и на следующий день пустился в путь вместе с караваном. Он благополучно прибыл в Мекку, поклонился гробу Магомета и затем занялся распродажей своих товаров. Торговля его пошла там бойко, и вскоре он смог накупить новые товары и объехал с ними всю Сирию, Персию и Египет. Когда наконец он соскучился по родине и решил вернуться в Багдад, то оказалось, что вместо двух-трёх месяцев он отсутствовал целых семь лет.

Между тем приятель, у которого он оставил кувшин с оливками и деньгами, уже давно позабыл об этом; но вот однажды вечером за ужином жене его очень захотелось оливок. Мустафа послал за ними на рынок, но там оливок не оказалось. Тут он вспомнил о кувшине Али-Коджи.

– Послушай, – сказал он жене, – ведь у нас в чуланчике ещё должен стоять кувшин с оливками, который оставил у нас на хранение Али-Коджа. Бедняги, наверно, уже давно в живых нет – ведь прошло уже больше шести лет, как он уехал, и с тех пор о нём ни слуху ни духу. Пойду посмотреть, что с его оливками, и если они ещё не испортились, то я принесу тебе несколько.

Но жена стала удерживать его.

– Не делай этого! –

сказала она. – А вдруг Али-Коджа приедет и не найдёт своих оливок? Ведь он доверил их тебе, и ты должен вернуть ему кувшин нетронутым. К тому же оливки, наверно, давно уже испортились. Прошу тебя, не ходи за ними – у меня и аппетит пропал.

Но Мустафа всё-таки взял свечу и чашку и пошёл в чуланчик. Кувшин стоял на своём месте, но когда он снял крышку,

то оказалось, что весь верхний слой оливок сильно попорчен. Чтобы проверить, не испортились ли остальные оливки, он высыпал их в чашку, но каково же было его изумление, когда вместо оливок в чашку посыпались блестящие золотые монеты.

– Аллах! – воскликнул Мустафа. – Как попало сюда это золото?

Первой его мыслью было положить обратно в кувшин и золото, и оливки, но тут в нём заговорила жадность: он решил присвоить деньги, а кувшин наполнить оливками. А пока что он высыпал всё обратно в кувшин и, вернувшись к жене, сказал:

– Ты права, милая жена, оливки испортились и теперь никуда не годятся. А кувшин я закрыл по-прежнему, так что если Али-Коджа когда-нибудь вернётся, то он и не заметит, что кто-нибудь до него дотрагивался.

– Ах! – ответила жена. – Лучше было бы, если б ты послушался меня и действительно не дотрагивался до чужого добра. Дай бог, чтобы из-за этого не вышло какой-нибудь беды!

Но купец не обратил никакого внимания на слова жены. Всю ночь он не мог сомкнуть глаз от разгоревшейся жадности и, как только представился случай, поспешил наполнить кувшин новыми оливками, а деньги забрал себе.

«Пусть-ка докажет Али-Коджа, если только он вернётся, что в кувшине были деньги! – думал он. – И наконец, я могу

поклониться, что получил от него одни только оливки».

Несколько месяцев спустя Али-Коджа вернулся в Багдад. Отдохнув после дороги, он отправился к своему другу, чтобы взять доверенные ему деньги. Мустафа встретил его с притворной радостью, и после первых приветствий Али-Коджа попросил его возвратить кувшин с оливками.

– Изволь, – отвечал купец, – он стоит всё на том же месте, где ты его оставил. Я, признаться, даже позабыл о его существовании, но я уверен, что никто до него не дотрагивался. Вот тебе ключ, возьми сам свою собственность.

Али-Коджа взял кувшин и отнёс его домой. Каково же было его изумление и негодование, когда он не нашёл в нём ни одной золотой монеты. Али-Коджа тотчас же вернулся к Мустафе и сказал ему:

– Ты, вероятно, хотел сыграть со мной шутку и напугать меня. Признаюсь, я заслужил это, потому что, оставляя тебе на хранение кувшин, скрыл от тебя, что спрятал там тысячу цехинов. Но теперь брось шутки и отдай мне мои деньги – ведь только ты один и мог вынуть их из кувшина.

– Что ты, друг мой, опомнись! – воскликнул Мустафа с удивлённым видом. – О каких деньгах ты говоришь? Ведь ты мне сам сказал перед отъездом, что в кувшине только оливки, и мне даже в голову не приходило сомневаться в твоих словах. Ещё раз повторяю тебе, что я и не дотрагивался до твоего кувшина. Наверное, ты просто сам хочешь пошутить надо мной.

– Я не шучу, – возразил Али-Коджа. – Ещё раз прошу тебя, скажи, куда ты дел мои деньги. Быть может, ты теперь нуждаешься в них и не можешь вернуть сейчас. Ну что ж, я охотно подожду, только не притворяйся, будто ничего не знаешь.

– Нет, это уж чересчур! – вскричал Мустафа с притвор-

ным негодованием.

— Семь лет я храню какой-то кувшин с оливками, точно невесть какую драгоценность, боюсь даже дотрагиваться до него, и вдруг мне заявляют, что я вынул оттуда какие-то никогда не существовавшие деньги. Удивляюсь ещё, почему ты

вместо тысячи цехинов не потребуешь гораздо больше! А может быть, в кувшине лежали жемчуга и бриллианты? После этого я должен тебе заявить, что не считаю тебя больше своим другом и не хочу даже разговаривать с тобой.

Слова эти очень рассердили Али-Коджу. Ему не столько было жаль потерянных денег – при его богатстве он легко мог обойтись без этой суммы, – сколько обидно было разочароваться в человеке, которого он всегда считал честным и неспособным на такой низкий обман.

– В таком случае, – сказал он с горечью, – мне остаётся только обратиться к суду. Пойдём сейчас же к кади: пусть он разберёт, кто из нас прав.

Мустафа приготовился к такому предложению и без всякого смущения предстал перед кади. Тот выслушал обе стороны и спросил Али-Коджу, есть ли у него свидетели, которые могли бы подтвердить, что он действительно положил деньги в кувшин.

– Никаких! – отвечал Али-Коджа. – Ведь я считал этого человека своим другом, и хотя я и скрыл от него, что в кувшине под оливками спрятаны деньги, но верил его слову, что он вернёт мне мою собственность в целости и сохранности.

Поскольку свидетелей у Али-Коджи не нашлось, а Мустафа клялся в своей невинности, то судья признал жалобу необоснованной.

Али-Коджа, конечно, остался недоволен таким исходом дела и решил обратиться к самому калифу. Он составил

письменное прошение и на следующий день встал с ним у входа в мечеть, посещаемую калифом.

Когда Гарун аль-Рашид вышел из мечети, Али-Коджа, согласно обычаю, поднял вверх руку с бумагой. Тотчас же к нему подошёл один из слуг калифа и взял прошение, а через некоторое время Али-Коджа получил приглашение предстать в назначенный день вместе с противником перед калифом, который обещал лично разобрать его дело.

Накануне вечером Гарун аль-Рашиду, как это часто бывало, вздумалось прогуляться по Багдаду переодетым. По обыкновению, его сопровождал великий визирь Джафар. Они гуляли уже довольно долго, не встречая ничего интересного. Но вот, проходя мимо одного двора, ворота которого оставались открытыми, они услышали оживлённые детские голоса. Калиф тихонько заглянул во двор и увидел детей, горячо решавших, в какую бы им сыграть игру. Вдруг один мальчик, сразу обративший на себя внимание калифа своей живостью и необыкновенно смущённым личиком, закричал:

– Знаете что, сыграем в кади! Я буду кади, ты, Гассан, будешь Али-Коджой, а ты, Ахмет, – купцом, которому он дал на сохранение кувшин.

– Да, да, сыграем в кади! – весело закричали дети, и игра началась.

Гарун аль-Рашид был очень заинтересован. Он вспомнил о процессе, который ему завтра предстояло разбирать и который ему самому показался очень запутанным.

– Посмотрим, как эти малыши сумеют во всём разобраться! – сказал он, смеясь, Джафару и, притаившись в уголке, стал наблюдать за игрой.

Между тем маленький кади уселся на каменную скамью и принял необыкновенно важный вид; остальные дети стояли в стороне и соблюдали строжайшее молчание. И вот вперёд вышел Гассан и, поклонившись судье, начал жаловаться на своего противника.

– Мудрый кади, – сказал он, – вот этот человек, Мустафа, похитил у меня тысячу цехинов, которые я ему отдал на хранение перед отъездом, положив их в кувшин и засыпав их сверху оливками. Когда я вернулся, то нашёл в кувшине одни лишь оливки, деньги же исчезли.

– А ты что скажешь на это, Мустафа? – с серьёзным видом спросил маленький кади.

– Я могу сказать только одно, – отвечал мальчик, изображавший Мустафу, – ни я, ни кто-либо другой не дотрагивался до его кувшина, и его обвинение является гнусной клеветой. Впрочем, я готов доказать свою невиновность клятвой. – И с этими словами он поднял вверх палец, как бы желая присягнуть.

Но, к удивлению внимательно слушавшего калифа, маленький кади не торопился дать присягу обвиняемому.

– Постой! – сказал он. – Прежде чем ты будешь клясться, я хочу увидеть кувшин с оливками. Пусть его принесут сюда. Тут один из мальчиков проворно сбегал куда-то, принёс

какой-то старый разбитый кувшин и поставил его перед судьей, который всё с тем же важным видом продолжал:

– Мустафа, признаёшь ли ты, что это тот самый кувшин, который был отдан тебе на хранение семь лет тому назад?

– Да, премудрый кади, – отвечал мнимый Мустафа, – это тот самый, и я могу клятвенно подтвердить, что в течение всего этого времени до него не дотрагивался.

– Хорошо, – сказал маленький кади, – сейчас мы узнаем, кто из вас говорит правду. Пусть призовут сюда двух старых торговцев оливками.

Тут из толпы детей выступили двое мальчиков, изображавших торговцев. Обратясь к ним, кади сказал:

– Если вы сами торгуете оливками, наверное, знаете, как долго можно хранить оливки, чтобы они годились к употреблению?

– Почтенный кади! – отвечали маленькие торговцы. – Много лет уже мы занимаемся торговлей и по опыту знаем, что оливки могут сохраняться самое большее три или четыре года; если же держать их дольше, то они портятся и есть их уже нельзя.

Тут маленький кади раскрыл кувшин, понюхал оливки и сделал вид, будто попробовал их.

– Странно! – заметил он, качая головой. – Вы говорите, что оливки сохраняются не больше четырёх лет, а между тем в этом кувшине они пролежали целых семь лет и всё-таки ещё очень свежи и вкусны. Подойдите сами и отведайте.

Торговцы сделали вид, будто пробуют оливки, после чего единодушно заявили, что они не только не пролежали семи лет, но и насыпаны в кувшин совсем недавно.

При этих словах мнимый Мустафа задрожал всем телом и признался в своём преступлении.

Кади поднялся со своего места и гневно воскликнул:

– Так вот как ты сохранил имущество, доверенное тебе другом! Мало того, ты ещё хотел ложной клятвой ввести в заблуждение правосудие! За это ты понесёшь строгое наказание: прежде всего ты должен возратить Али-Кодже похищенные у него деньги, а за своё воровство ты заплатишься жизнью.

Калиф слушал всё это с необыкновенным вниманием.

– Джафар! – сказал он по окончании игры. – Запомни этот дом и завтра утром, когда явятся Али-Коджа и его противник, приведи ко мне этого мальчика, который изображал судью. Пусть придёт и настоящий кади – ему не мешает поучиться уму-разуму у этого мальчика, которому, наверно, не больше десяти лет.

Джафар в точности исполнил приказание своего повелителя. Рано утром он отправился в тот дом, на дворе которого играли дети, и попросил хозяев привести мальчика.

– Дитя моё, – сказал он ему, – калиф приказал мне привести тебя к нему; но ты не бойся, тебе не сделают ничего дурного и скоро отпустят домой.

Родители нарядили мальчика в его лучшее платье и отпустили с великим визирем.

Между тем во дворце уже собрались Али-Коджа, Мустафа и старый кади. Калиф ласково взял мальчика за руку и сказал:

– Дитя моё, я видел вчера, как ты, играя, решил тяжбу Али-Коджи. Ты проявил такую проницательность, что мне хочется и в действительности предоставить тебе разобрать это дело. Поэтому не стесняйся и веди себя точно так же, как вчера вечером.

С этими словами калиф посадил мальчика рядом с собой и приказал ввести противников. Когда те явились, он сказал:

– Я призвал вас, чтобы решить вашу тяжбу. Но я хочу, чтобы этот мальчик разобрал ваше дело; если же вы останетесь недовольны его судом, то можете обратиться ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.